

Глава 5: Первая брачная ночь

—

На следующий день Сяо Шань, опираясь на руки, сел. Он потер лоб, который все еще болел от похмелья. Почувствовав что-то необычное, он подсознательно оглянулся.

Он увидел человека, спящего рядом.

Распущенные длинные волосы скрывали брови и глаза спящего. Тело, выглядывающее из-под парчового одеяла, было покрыто синими и фиолетовыми отметинами. Крепкие, гладкие линии мышц были упругими и сильными, а пшеничного цвета кожа была мягкой, но таила в себе огромную энергию.

Обладатель этого тела сейчас крепко спал.

Сяо Шань моргнул, затем еще раз моргнул, и все события прошлой ночи внезапно всплыли в его голове.

Он не был пьян, поэтому очень четко помнил, как долго они с Се Чжум шумели. Се Чжуй был известным военачальником, чьи руки, должно быть, сломали шеи бесчисленным врагам.

Но прошлой ночью эти руки сначала жестко вцепились в угол одеяла, а когда он не мог больше сдерживаться, они лишь слегка касались его плеча. Человек, который был таким сильным и жестким, в конце концов хриплым голосом произнес слово «пожалуйста».

Однако у людей есть пороки: чем больше слышишь слово «пожалуйста», тем больше хочется получить, тем больше хочется покорить это жесткое тело.

Поэтому он держал человека и не отпускал его до полуночи, так что генерал Се, который обычно очень осторожен с посторонними и открывает глаза от малейшего шороха, до сих пор не проснулся.

Было видно, что он очень устал.

В глубине души Сяо Шаня промелькнула легкая гордость: он справился.

Сяо Шань быстро собрался с мыслями. Он посмотрел на песочные часы — было уже поздно, а им сегодня предстояло отправиться во дворец.

Он не то чтобы не хотел заботиться о теле Се Чжуйя, да и вообще, меньше всего он сам хотел

рано вставать. Но если бы они с Се Чжуем сегодня не пошли во дворец, то Се Чжюю потом пришлось бы несладко.

Не говоря уже о других, слезы его матери, наложницы Лань, могли бы его утопить.

Сяо Шань хорошо укрыл Се Чжюя одеялом, затем встал с кровати и слегка покачал колокольчик у кровати, взгляд его упал, и он увидел большое красное свадебное одеяние Се Чжюя, перемешанное с их нижним бельем, беспорядочно лежащее на полу.

Одежду он снимал сам, по одной части, и это беспорядочное нагромождение одежды было подобно тому, как они переплетались прошлой ночью.

Услышав звон колокольчика, Цзи Ань вошел во внутренний зал, держа в руках новую одежду для двоих. Сяо Шань быстро сам оделся.

Затем он собирался разбудить Се Чжюя. Он мог дать Се Чжюю отдохнуть лишь немного, а потом они отоспятся, когда вернутся из дворца.

Кланяться лучше рано, чем поздно.

К его удивлению, он обернулся и увидел, что Се Чжуй уже открыл глаза и молча смотрит на него.

Выражение лица было спокойным, а мочки ушей... мочки ушей покраснели.

Сяо Шань улыбнулся и сказал: «Проснулся? Самое время, я вижу, у тебя нет слуг рядом, сегодня пусть Цзи Ань поможет. Если у тебя есть кто-то, кто тебе подходит, приведи его, когда мы вернемся из дворца. Если нет, я попрошу отца-императора прислать несколько из Дворцовой канцелярии, чтобы ты выбрал, как тебе это?»

Цзи Ань сделал шаг вперед, Се Чжуй опустил глаза и сухо сказал: «Спасибо».

За эти годы в армии он давно забыл, что такое, когда тебя обслуживают, он привык делать все сам.

Но он знал, что сегодня не обычный день. Сегодня его наряд должен был соответствовать ритуалу, и он был довольно сложным, поэтому он мог только позволить Цзи Аню помочь.

Более того, его ноги и поясница все еще болели, и ему было трудно двигаться.

Цзи Ань, не поднимая брови, сделал вид, что не замечает следов на теле Се Чжюя. Удобная

одежда быстро скрыла следы на теле.

Под пристальным взглядом Сяо Шаня, Цзи Ань как можно быстрее помог Се Чжую одеться, а затем уложил его волосы.

Когда длинные волосы были собраны, открылся высокий лоб Се Чжуя, его вытянутые брови и пронзительный взгляд.

Сяо Шань взял белую нефритовую шпильку и воткнул ее в его прическу.

Сам он носил корону для волос из белого нефрита, сделанную из того же материала, что и нефритовая шпилька.

Одевшись и умывшись, Сяо Шань сказал: «Пойдем».

Се Чжуй ответил: «Хорошо».

Когда они ушли, Чуньтао и Цюцзюй пришли, чтобы убрать постельное белье.

Цзи Ань должен был сопровождать Сяо Шаня во дворец, и, уходя, он напутствовал их: «Вещи Его Высочества и Ван Цзюня оставьте вместе, не трогайте без надобности, иначе князь будет недоволен».

Чуньтао и Цюцзюй поспешно согласились, в душе зная, что Цзи Ань так напоминает им, чтобы они не нарушили табу.

По степени беспорядка на кровати можно было судить о прошлой ночи, тем более что посреди ночи Сяо Шань еще и воду просил.

Правила в княжеском поместье были строгими, но слуги втайне обсуждали положение Се Чжуя после его приезда. Никто не ожидал, что Сяо Шань в первую брачную ночь овладеет им.

Они не ожидали, и Се Чжуй тоже не ожидал.

Семья Се была намного более прогрессивной, чем обычные семьи. С детства он любил мечи, копья и палки, и его отец никогда не препятствовал ему, говоря, что это хорошо, чтобы в будущем его не обижали, и чтобы в обычные дни он мог скрывать родимое пятно на лбу, переодеваться в мужскую одежду и наблюдать за миром.

Он также когда-то учился управлять домом, чтобы в будущем, когда выйдет замуж, не быть невежественным. Он также думал о том, с кем будет жить в будущем, и тогда его мысли были

не более чем о том, чтобы жить в гармонии и взаимном уважении.

Однако после того, как он попал на поле боя, он был занят тем, чтобы скрывать свою личность и оставаться в живых, и у него не было времени и настроения думать о таких романтических вещах.

После того, как ему даровали брак с Сяо Шанем, он продумал все возможные исходы, от лучшего до худшего.

В лучшем случае, Сяо Шань будет пренебрегать им, игнорировать его, как будто его не существует, и он проведет всю свою жизнь в заднем дворе поместья князя Ли. Со временем они, возможно, даже смогут развестись, и он обретет запоздалую свободу.

В худшем случае, Сяо Шань будет мстить и унижать его из-за слухов.

Он надеялся на лучший исход, но не боялся худшего.

Но он не ожидал, что ни один из этих результатов не сбудется.

Прошлой ночью, когда Сяо Шань навис над ним, его первой мыслью было, что Сяо Шань хочет таким образом унижить его.

Он даже поднял руку, чтобы оглушить его, но в глазах Сяо Шаня не было жестокости или насмешки, он просто действовал, показывая, как люди проводят брачную ночь.

Сяо Шань с самого начала был очень терпелив, и боль была только в первый момент. А после того, как Сяо Шань изучил его тело, в те несколько раз он испытал невыносимое удовольствие.

До полного истощения, в его голове, кроме усталости и нежелания двигаться, не было никаких других мыслей.

Он даже не знал, когда Сяо Шань помог ему умыться и принять ванну; он знал только, что, проснувшись, почувствовал себя чистым и свежим.

Он считал, что умеет хорошо разбираться в людях, но теперь обнаружил, что совершенно не понимает Сяо Шаня.

Сяо Шань видел, что Се Чжуй постоянно опускает глаза, и сам взял кусок розового шелкового пирожного с маленького столика, поднеся его к его рту, и сказал: «Нам предстоит большая прогулка по дворцу, сначала перекуси чем-нибудь».

Се Чжуй поднял глаза, он хотел протянуть руку, чтобы взять пирожное, но Сяо Шань снова поднес его к его рту, что было очень показательно.

По каким-то неведомым причинам Се Чжуй открыл рот и откусил кусочек пирожного.

Был легкий сладкий вкус, совсем не приторный.

Затем Се Чжуй сам взял пирожное и стал есть, избегая того, чтобы его кормили, и Сяо Шань успокоился.

Сяо Шань любил комфорт, и в этой карете было очень удобно, внизу лежал толстый и мягкий ковер, на нем стоял столик, на котором лежали еда, курительница и шахматная доска, а также две маленькие подушки.

Можно было опереться или использовать как подушку.

Сяо Шань устал за половину ночи и тоже был немного утомлен.

Поэтому он полулежал на подушке, опираясь головой на руку и согнув длинные ноги. По сравнению с Се Чжужем, который сидел прямо, он выглядел совершенно небрежно.

Видя, что Се Чжуй закончил есть сладости, он лениво сказал: «У тебя поясница не болит? Приляг тоже, а то что ж ты все сидишь?»

Его поясница немного болела, не говоря уже о том, что прошлой ночью длинные ноги Се Чжужа висели на нем, то он стоял на коленях, и его поясница все время находилась в подвешенном состоянии.

Его карета была достаточно большой, и два человека могли лечь, не теснясь.

Поясница Се Чжужа чувствовала себя так, словно вот-вот сломается, а внизу боль и отек были еще сильнее. Это ощущение было неприятнее, чем удар ножом. Но он не показал этого, лишь покачал головой, отклонив предложение Сяо Шаня.

Сяо Шань не стал его принуждать, а сказал: «Скоро мы будем во дворце, я разомну тебе поясницу, когда вернемся».

Хотя это были совершенно обычные и приличные слова, Се Чжуй вдруг вспомнил, что прошлой ночью Сяо Шань говорил таким же тоном ему на ухо о «легком щипке, медленном поглаживании»... И не только говорил, но и действовал руками в соответствии со словами.

Поэтому сейчас одежда, соприкасаясь с местами, которые долго растирали и мяли, вызвала небольшую боль.

Се Чжуй напряг лицо, его аура стала еще более холодной и суровой, он изо всех сил старался изгнать эти образы из своей головы.

Чтобы избежать пустых мыслей, Се Чжуй сменил тему: «Есть ли что-то, на что нужно обратить внимание при входе во дворец?»

Сяо Шань лениво сказал: «С отцом-императором и матерью-императрицей ничего особенного, главное — матушка-наложница. Ты, наверное, слышал о ее характере, не обращай слишком много внимания на ее слова и не принимай их близко к сердцу. Не нужно себя притеснять, я со всем справлюсь».

Сердце Се Чжужа успокоилось, он понял.

К счастью, до дворца они добрались быстро. Во дворце нельзя было пользоваться своей каретой, и они пересели в паланкин.

Вдвоем они сначала отправились на поклон к императору Сяо Шэну.

Сяо Шэн был прозорлив и умен, и по их виду сразу понял, что брачная ночь состоялась.

Он всегда думал, что Сяо Шань останется девственником до старости, но не ожидал, что тот нарушит обет с Се Чжужем.

Вспомнив, что Сяо Шань когда-то говорил, что любит красавиц, Сяо Шэн незаметно осмотрел Се Чжужа и подумал про себя, что у Сяо Шаня действительно особый вкус.

Видимо, их определения красоты были разными, и люди, которых ему посылали, не вызывали у Сяо Шаня интереса, что и заставило его быть монахом девятнадцать лет.

Настроение Сяо Шэна было хорошим. Он даровал им двоим две парчовые шкатулки, а затем сказал: «Уже поздно, идите поклонитесь императрице и наложнице Лань».

Сяо Шань и Се Чжуй согласились, снова поклонились и только потом встали и ушли.

После того как они ушли, Сяо Шэн отпил чая и сказал: «Этот негодяй вырос. Похоже, он вполне доволен браком, который я даровал ему».

Чан Лэ, стоя рядом, с улыбкой сказал: «Брак, дарованный Вашим Величеством, конечно,

хорош. Его Высочество предан и умен».

«Он предан, главное, чтобы он меня не злил», — фыркнул Сяо Шэн, а насчет ума он не возражал. Например, этот брак был дарован им, и что бы другие ни думали, Сяо Шань в первую брачную ночь оказал Се Чжую полное уважение.

Оказать уважение Се Чжую — значит оказать уважение ему.

Умный и не вызывающий неприязни, Сяо Шань всегда был таким с детства, просто он не уделял внимания важным делам и не любил быть в проигрыше.

«Не будем о нем, чтобы я не рассердился», — беззлобно сказал Сяо Шэн, вспомнив сцены, когда Сяо Шань не любил быть в проигрыше.

Чан Лэ не ответил. Некоторые вещи Сяо Шэн мог сказать, но они, как слуги, не могли об этом упоминать.

Кто осмелится беспорядочно догадываться о мыслях императора.

Тем временем Сяо Шань и Се Чжуй отправились на поклон к императрице. Императрица, величественная и благородная, произнесла им несколько слов о том, как хорошо жить, и даровала им подарки, а затем отправила их во Дворец Цзинлань.

Во Дворце Цзинлань наложница Лань несколько ночей подряд плохо спала, и ее лицо выглядело несколько изможденным. Сегодня она ждала и ждала, выпила три чашки чая и наконец-то дождалась их.

Наложница Лань никогда не видела Се Чжуй. Взглянув на него, она увидела, что Се Чжуй выглядел еще больше мужчиной, чем Сяо Шань, его внешность не была ни бледной, ни мягкой. Сердце наложницы Лань мгновенно стало горьким, как будто она съела желчь, и ее глаза заболели от слез. Ей тут же захотелось громко расплакаться.

Такая невестка, в будущем ее и Сяо Шаня, наверное, будут много высмеивать.

К счастью, Цуй Шу знала, что сегодня бесчисленное множество глаз во внутреннем дворце следили за Дворцом Цзинлань, поэтому она тихонько подтолкнула наложницу Лань.

Наложница Лань, с трудом сдерживая боль, попросила их встать и позволила им сесть.

Наложница Лань, столкнувшись с жестким Се Чжуем, совершенно не хотела говорить.

Она молчала, а Сяо Шань заговорил: «У матери-наложницы лицо немного осунувшееся, вам нездоровится? Вызвали ли императорского лекаря проверить пульс?»

Наложница Лань глухо сказала: «Ничего страшного, зачем вызывать лекаря».

Сяо Шань усмехнулся: «Что это вы говорите, матушка-наложница? Даже при легком недомогании нужно приглашать. Матушка-наложница добра и не хочет обременять императорских лекарей, но они получают жалованье именно за то, чтобы бегать и помогать, разве не так?»

Наложница Лань поняла, что он беспокоится о ней, и ее настроение улучшилось. Она сказала: «Ты умеешь говорить. Я... я поговорю с Ван Цзюнем, а наследный принц ищет тебя, отправляйся во Восточный дворец».

Сяо Шань не хотел идти. Он лениво откинулся на спинку стула: «Матушка-наложница, мы с Ван Цзюнем немного устали. Разве нельзя поговорить об этом через несколько дней?»

Наложница Лань, глядя на него таким, подумала: «Нашел жену и забыл мать».

Слезы наложницы Лань навернулись на глаза.

Сяо Шань, видя ее такой, почувствовал, как у него заболела голова. В этот момент Се Чжуй безмолвно потянул его за рукав.

Когда Сяо Шань взглянул на него, Се Чжуй безмолвно кивнул.

Сяо Шань встал с видом полной беспомощности: «Матушка-наложница, не сердитесь, ваш сын пойдет».

Уходя, он посмотрел на Се Чжуй и сказал: «Если тебе будет слишком тяжело, скажи матери-наложнице, она тебя не осудит».

Се Чжуй ответил: «Хорошо».

Когда Сяо Шань ушел, наложница Лань наконец не выдержала и разрыдалась.

Цуй Шу поспешно успокаивала ее.

Се Чжуй впервые видел, как человек без причины так горько плачет. Он встал и молча посмотрел на наложницу Лань, желая понять, от чего она так плачет.

Наложница Лань, которую он так пристально разглядывал своими ясными глазами, прервала свой плач.

Цуй Шу посмотрела на Се Чжуя и сказала: «Наша госпожа добра и слезлива, она не имела ничего дурного в виду, Ван Цзюнь, пожалуйста, не принимайте это близко к сердцу».

Се Чжуй покачал головой.

Наложница Лань прижала руку к груди и сказала: «Мое сердце сильно болит, пусть он выйдет».

Цуй Шу с затруднением посмотрела на Се Чжуя.

Се Чжуй молча вышел и встал перед внутренним залом.

—

<http://bllate.org/book/14491/1282497>